

Григорий Тульчинский*

СВЯЗЬ ПЕРЕУСТРОЙСТВА ОБЩЕСТВА И ПЕРЕДЕЛКИ ЧЕЛОВЕКА**

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-259-265.

В недавней публикации С. А. Никольский (Никольский, 2023) принял попытку разобраться в содержании проекта «нового советского человека», его предпосылках, реализации и причинах его неудачи. И сама тема, и выводы автора стимулируют дискуссию, и данная статья — это реплика в ней.

Каждому из нас, любому обществу в той или иной степени свойственно стремление к развитию, изменению обстоятельств в лучшую сторону. Иногда это стремление вырастает в масштабные проекты переустройства общества путем реформирования или радикального преобразования основ социального существования. Такие проекты становятся серьезными вызовами их инициаторам, участникам, вызывают необходимость новых представлений человека о своем месте в мире, социуме, самом себе, о возможных и необходимых поступках. Ярчайший пример такой ситуации — советский опыт, в ходе которого был реализован грандиозный эксперимент создания принципиально иного типа общества, предполагающего не просто культурную революцию, а формирование нового человека.

Предыстория этого проекта довольно обстоятельна. Наверное, следует начать с апофатичности («пасхальности») восточного христианства, в котором позитивная Божественная сущность в этом мире не дана, вследствие чего жизнь в нем, как и ее атрибуты (здоровье, ответственность, труд, право), ценностью не является. Эта жизнь — юдоль страдания, испытания и предуготовления к воздаянию в жизни иной —

*Тульчинский Григорий Львович, д. филос. н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), gtul@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5820-7333.

**© Тульчинский, Г. Л. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

в потустороннем мире, в светлом будущем, «за бугром», но не «здесь и сейчас» (Тульчинский, 2022b).

Помимо прочего, эта глубокая апофатичность проявилась в целом в российской художественной культуре и в частности в предмете ее особой гордости — в литературе, рассмотренной в работе С. А. Никольского. Так, масштабное исследование русской классической литературы, реализованное А. П. Давыдовым¹, показало, что в ней практически нет положительного героя, демонстрирующего способность к самостоятельному конструктивному обустройству своей жизни. Но зато типологической является фигура «лишнего человека», который не может найти применения своим позитивным качествам в обстоятельствах реального социума. Тем самым напрашивается задача не нравственного и прочего совершенствования и достойной жизни, а смены обстоятельств, неправильного общества.

Вопрос в том, кто будет актором такого переустройства? Просвещенный самодержец, на которого надеялись Д. И. Фонвизин и А. С. Пушкин? Надежды оказались несостоятельными. Народ, сельская община, на которых надеялись народники, — тоже оказались с горизонтом, ограниченным вопросом о земле. Новую буржуазию («Лопахиных») не признали ни просвещенная аристократия, ни интеллигенция. На этом ценностно-нормативном фундаменте и формировалось российское революционно-демократическое движение и его антропологический идеал самоотверженного борца за справедливое общество, способного себя не пощадить, но и других не пожалеть ради того, чтобы сделать их счастливыми помимо, а то и вопреки их воле. Что, собственно, и сказалось как в годы подпольной борьбы, так и в Октябрьском перевороте, в годы Гражданской войны.

В контексте обсуждаемой темы важно, что в первые два послереволюционных десятилетия сформировался особый тип (отчасти даже поколение) советского человека, который можно рассматривать в качестве действительно «нового человека». Возможно, это был реальный главный антропологический результат советского проекта. Об этом поколении писали В. П. Беляев, Ю. В. Бондарев, Ю. М. Нагибин, А. Н. Рыбаков, Б. А. Слуцкий. Речь идет о поколении примерно 1915–1925 годов рождения, детство которого пришлось на Гражданскую войну, юность — на становление советской власти, молодость — на «Великий перелом»

¹Содержание более 20 обстоятельных публикаций и результаты этой колоссальной работы обобщены в следующем труде: Давыдов, 2012.

коллективизации и индустриализации, взросление — на Великую войну, пережить которую удалось не всем. Это были уже не умопостроенные «разумные эгоисты» Чернышевского, не самоотверженные борцы подполья или воины Гражданской войны, а реально обустроивающие новую жизнь в новом социуме, не «лишние», а нужные этому социуму люди, знающие, как эта жизнь может, а то и должна выглядеть, верящие в свои силы это осуществить (Тульчинский, 2022a). Этим преследователям истины были свойственны специфическое понимание демократии и классового подхода с полюсами прогрессивности и реакционности, твердая привычка к нетерпимости и безальтернативности, ожидание от всех сознательности во всем. Помимо прочего, это служило основой практик и даже культа бдительности, секретности, доносов, чистки рядов, бесконечной череды собраний и политинформаций (Советское бытие..., 2022: 264–289). Одних смела волна репрессий, смывшая энтузиазм реализации утопии, уцелевших добила война, победить в которой, собственно, и помогло именно это поколение.

К этому поколению принадлежали ифлийцы, которые создали новую советскую поэзию и философию. Импульс того поколения отчасти реализовался в оттепели 1960-х (например, в жизни и творчестве В. Аксенова, В. Высоцкого, Ю. Семенова и др.) — хотя бы как частичное восстановление попранного идеала. В оттепель же этот советский антропологический тип проявился и в философском изводе. Яркие примеры — фигуры А. А. Зиновьева, Г. П. Щедровицкого — такие разные, но удивительно по-советски нетерпимые и при этом постоянно рефлектирующие. Так, Щедровицкий фиксирует, что в нашей стране сложилась весьма неоднозначная ситуация. То, что мы получаем через культуру, через систему образования, принятую у нас с середины 1930-х годов, принципиально не соответствует тому, что нужно людям в их реальных социальных повседневных ситуациях жизнедеятельности (Щедровицкий, 2001). И это было очень точное свидетельство. Само становление советского режима — и чем дальше, тем все больше — сопровождалось нарастающей регламентацией, неприятием способности именно к автономному ответственному поведению. В художественной литературе, кино, системе образования, системе пропаганды провозглашался свободный творец, тогда как в реальной социальной жизни практиковались контроль и жесткая регламентация: человек с самого детства и до седин не был хозяином своей собственной жизни.

В этой связи никак нельзя пройти мимо Андрея Платонова — наверное, единственного гения в русской прозе прошлого века, если понимать

под гением человека, сказавшего нечто новое о человеческой природе. А. Платонов открыл, что самое важное в человеке — его духовное и, главное, физическое тяготение к слиянию, слипанию с другими. И что поэтому главным героем XX века стала масса, которая, возможно, будет доминировать в будущем. Собственно, главная тема Платонова — описание, как эта масса формируется, действует, слипается (сливаются и жертвы, и палачи), как люди ищут шанса стать этой массой, слиться с ней и только в этом качестве достигают оправдания и смысла существования. В таком состоянии советский народ был несколько раз, например, во время войны, иногда — во время грандиозных государственных кампаний, вроде индустриализации либо освоения космоса. Во время коллективной травли он тоже иногда доходил до состояния плазмы.

Похоже, дело не только в каком-то злодее-тиране. Он оказывается ответом на запрос. Сам по себе переход в такое состояние, когда личность, как писал Г. Г. Шпет, распускается, как кусок масла на сковородке (а когда российская сковородка была не раскалена?), по-видимому, несет в себе ощущения столь приятные, прямо гипнотические, что люди готовы опьяняться чем угодно, в том числе и ложью, и рабством.

Этот, конечно же, усиленный властным нажимом процесс в конечном счете породил глубоко коренящиеся до наших дней, парадоксально сочетающиеся инфантилизм, безответственность и нетерпимость. Люди оказываются неспособными выстраивать горизонтальные отношения, решать свои проблемы самостоятельно. Выработана привычка все вопросы (от производственных до личных) решать через вертикаль — с помощью либо жалобы, либо доноса. В этом кроется и удивительная недоговороспособность. И в бизнесе, и в политике, и в личной жизни играют игры с нулевой суммой: все либо мне, либо тебе. Подготовленные медиаторы — специалисты по посредничеству в решении конфликтов в досудебном формате — оказываются невостребованными. И дело не только и не столько в том, что этому противятся адвокаты и судьи, просто сами люди привыкли к решению всех проблем в жанре игр с нулевой суммой.

ЧЕМУ НАУЧИЛ СОВЕТСКИЙ ОПЫТ?

Задача развития, а тем более переустройства общества всегда так или иначе предполагает изменение в смысловой картине мира, системе целей, намерений. И значит — изменение мотиваций членов общества. Хотя бы в силу того, что человек — социальное существо, а сознание

возникает только в процессе освоения социально-культурных практик и коммуникации с другими. В принципе процессы социализации и индивидуализации дополняют, предполагают друг друга, оказываясь единым процессом, напоминаям ленту Мёбиуса, имеющую две стороны, но одну поверхность. Это отчетливо видно в наши дни, когда цифровые технологии, соответствующие практики меняют не только экономику, политику, образование, но и весь образ жизни, сказываясь на антропологии.

Другой разговор — эти практики меняются постепенно, «явочным порядком», выступая равнодействующей воли и интересов или как программа некоего не только социально-культурного, но и антропологического инжиниринга делания всех счастливыми помимо их воли и вопреки ей.

В этом плане кейс советского опыта противоречив. С одной стороны, культурная революция, всеобщее образование, культ здоровья, гигиены (одна система канализации в Петрограде-Ленинграде чего стоит!), физкультура и спорт. Однако это было проявлением заботы о «человеческом материале», что характерно для тоталитарных социумов. Такое общество расслаивается на «прогрессоров» и этот самый человеческий материал — «новых людей», которые свободны, так как познали необходимость. Кто не осознал, тот враг народа, нежелательный элемент, агент, прочие клейма, а то и сразу — 10 лет без права переписки. В результате запуганные люди решают свои проблемы не горизонтально, а только через вертикаль самозванных «прогрессоров».

Поэтому ключевой вопрос: кто занимается переустройством социума и других людей? И печально, если эти «прогрессоры» подобны Бармалею из замечательного фильма «Айболит-66», утверждавшему, что он запросто всех сделает счастливыми, а кто не захочет — в бараний рог свернет, в порошок сотрет и бросит акулам. А большевистский проект был реализован именно по-бармалеевски.

С. А. Никольский прав: многое зависело от насилия и страха. Но их дополняла мощная пропаганда великих и славных идеалов, провозглашение советского человека как свободного творца. Тогда как само общество — заорганизованное, идеологически контролируемое — сводило границы свободы и ответственности к границам кожно-волосяного покрова, в которых человек не был хозяином даже своей жизни, не говоря о стране.

Несостоятельный проект социального переустройства привел и к расстрате человеческого материала — генетического и морального. Другими

словами, в силу ряда причин как оказался несостоятельным сам советский эксперимент, как советский народ не стал гражданской нацией, так и идеал советского человека пришел в противоречие с социальной реальностью. Художественный, пропагандистский контексты и контекст реальной социальной жизни все больше расходились в смыслообразовании антропологического идеала. Инерция системы образования, официальной культуры, принятой с середины 1930-х годов для воспроизводства этого типа личности, не смогла ответить на вызовы общества массового потребления и эволюции российского общества. После распада СССР этот тип личности стал маргинальным. Место этого антропологического идеала заняли установки индивидуального жизненного успеха, роста человеческого капитала как роста благосостояния, влияния, известности.

ЛИТЕРАТУРА

- Давыдов А. П.* Неполитический либерализм в России. — М. : Мысль, 2012.
- Никольский С. А.* Переустройство общества и пересоздание человека. Крах иллюзий : к политической генеалогии распределенного реестра // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2023. — Т. 7, № 2. — С. 203–222.
- Советское бытие : от укоренения до преодоления. Научная монография / под ред. Т. С. Злотниковой, С. А. Никольского. — Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022.
- Тульчинский Г. Л.* Мальчик был : источники и судьба советского антропологического идеала. — М. : Голос, 2022а.
- Тульчинский Г. Л.* Ценностно-нормативные концепты российско-советского социально-культурного опыта // *Советское бытие : от укоренения до преодоления*. Научная монография / под ред. Т. С. Злотниковой, С. А. Никольского. — Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022б. — С. 11–65.
- Щедровицкий Г. П.* Я всегда был идеалистом... — М. : Институт развития им. Г. П. Щедровицкого, 2001.

Tulchinskii, G. L. 2023. "Svyaz' pereustroystva obshchestva i peredelki cheloveka [The Connection between the Society Reorganization and the Human Remake]: neodnoznachnost' sovet-skogo proyekta [The Ambiguity of the Soviet Project]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 7 (3), 259–265.

GRIGORII TULCHINSKII
DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY "HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS" (ST. PETERSBURG, RUSSIA);
ORCID: 0000-0002-5820-7333

THE CONNECTION
BETWEEN THE SOCIETY REORGANIZATION
AND THE HUMAN REMAKE
THE AMBIGUITY OF THE SOVIET PROJECT

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-259-265.

REFERENCES

- Davydov, A. P. 2012. *Nepoliticheskiy liberalizm v Rossii* [*Non-political Liberalism in Russia*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Nicol'skiy, S. A. 2023. "Pereustroystvo obshchestva i peresozdaniye cheloveka. Krakh illyuziy [The Reorganization of Society, the Re-Creation of Human]: k politicheskoy genealogii raspredelenogo reyestra [The Collapse of Illusions]" [in Russian]. *Filosofiya* [*Philosophy*]: *Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Journal of the Higher School of Economics*] 7 (2): 203–222.
- Shchedrovitskiy, G. P. 2001. *Ya vsegda byl idealistom...* [*I Have Always Been an Idealist...*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut razvitiya im. G. P. Shchedrovitskogo.
- Tul'chinskiy, G. L. 2022a. *Mal'chik byl* [*USSR in Achievements and Catastrophes. Reflections on the Occasion of the 100th Anniversary*]: *istochniki i sud'ba sovet-skogo antropologicheskogo ideala* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Golos.
- . 2022b. "Tsennostno-normativnyye kontsepty rossiysko-sovet-skogo sotsial'no-kul'turnogo opyta [Value-Normative Concepts of the Russian-Soviet Socio-Cultural Experience]" [in Russian]. In *Sovet-skoye bytiye* [*Soviet Life*]: *ot ukoreneniya do preodoleniya. Nauchnaya monografiya* [*From Rooting to Overcoming. Scientific Monograph*], ed. by T. S. Zlotnikova and S. A. Nicol'skiy, 11–65. Yaroslavl': RIO YaGPU.
- Zlotnikova, T. S., and S. A. Nicol'skiy, eds. 2022. *Sovet-skoye bytiye* [*Soviet Life*]: *ot ukoreneniya do preodoleniya. Nauchnaya monografiya* [*From Rooting to Overcoming. Scientific Monograph*] [in Russian]. Yaroslavl': RIO YaGPU.